

Лунная Галь

Крадущая жизнь

Лунная Галь

Крадущая жизнь

«Автор»

2025

Галь Л.

Крадущая жизнь / Л. Галь — «Автор», 2025

Лайра не вампир и не демон. Она ворует жизни. Он ищет способ спасти хотя бы одну. Их встреча разрушит мир. Но кто сказал, что из руин нельзя построить новый?

© Галь Л., 2025

© Автор, 2025

Лунная Галь

Крадущая жизнь

Огонь и воспоминания

Воруют все и вся. Воруют деньги, драгоценности, автомобили, чужих мужей и жен, детей.

Многие остаются безнаказанными, но и многих также настигает расплата.

Я тоже ворую, отнимаю самое дорогое, что есть у человека – жизнь. На моем счету их уже сотни, да что там сотни, тысячи, миллионы. И ни разу еще меня не поймали с поличным.

Разве в красивой молодой женщине можно заподозрить убийцу? Хотя я предпочитаю не называть себя так, мне больше по вкусу имя Крадущая Жизнь. Я краду жизни розовощеких младенцев, миловидных девушек, смазливых парней, красивых женщин и статных мужчин. Мне противны только старики. Их жизнь похожа на старую застиранную тряпку, отдающую затхлостью и плесенью. Брр! Как противно!

Другое дело молодая, полная сил и стремлений жизнь! Она кружит голову своей силой и напором, страстью и пылкостью! Мне становится жарко, стоит только представить, сколько еще таких жизней я заберу в свою коллекцию.

... Костры разгорались все ярче, бросая отсветы на стены домов. Солнце давно спряталось за кромкой темного леса. Люди собирались всей деревней, их жажда мести и справедливости насыщала и без того густой воздух напряжением.

Я знала, что рано или поздно они придут за мной вершить суд справедливости. Однако смешно, что им понадобилось столетие, чтобы понять, кто и зачем крадет их жизни. Они глупы и безжалостны, а я оказалась запертой в стенах собственной беспечности. Что же, пришла пора расплачиваться за содеянное. Признаться, я уже слишком устала жить, ибо пресытилась в полной мере.

Языки пламени от пылающих факелов приближались. Я не видела, но чувствовала эту толпу, предвкушающую возмездие. Их страх и решимость, ненависть и почтение. Какой сумасшедший коктейль из чувств!

Они все ближе. Я закрываю лицо рукавом платья. Я ничего не слышу, кроме играющей внутри меня собственной торжественной музыки.

Двери слетают с петель и падают на каменный пол.

Это не они, это я так решила.

Звуки обрушиваются на меня как водопад.

– Смерть вампиру!

***

Гул нарастал. Не просто шум, а низкий, утробный рокот, исходящий из самой земли. Их жажда мести достигла предела, густой, липкий воздух в моей обители наполнился запахом сырого дерева, пота и горячего масла для факелов.

Бах!

Двери слетели с петель, рухнув с оглушительным грохотом. Они ворвались – селяне, горожане, солдаты, наспех собранные в мстительную, неуправляемую толпу. Их лица, освещенные снизу дрожащим пламенем, выглядели как маски, искаженные ненавистью и диким, животным торжеством.

«Смерть вампиру!» «Смерть Лайре!»

Они набросились на меня, как стая голодных псов. Грубые, мозолистые руки схватили за мои тонкие запястья, шею, волосы. Я не сопротивлялась. Зачем? Этот сосуд исчерпал свой срок. Я устала.

Вместо крика или мольбы, я ощутила внутри волну смеха. Беззвучного, глубокого, идущего откуда-то из-под ребер. Как заигравшая в моей крови триумфальная музыка, которую слышу только я.

Меня выволокли из тепла замка на улицу. Шум толпы был оглушитель, но мой внутренний смех заглушал все. Меня поволокли по булыжной мостовой, протащили сквозь узкие улочки, где каждый камень помнил шаги тех, чьи жизни я забрала. Я чувствовала острую боль от камней, рвущих платье и кожу, но эта боль была столь незначительна по сравнению с вечностью, что вызывала лишь новую волну веселья.

Я смотрела на их лица, склоненные надо мной.

«Глупцы! Вам понадобились сотни лет, чтобы додуматься до огня. А это лишь начало!» – беззвучно кричало мое сознание.

Путешествие закончилось на главной площади, прямо напротив массивной, серой ратуши. Здесь, в центре города, они уже возвели свой монумент справедливости – высокий, зловещий костер из сухих веток и хвороста.

Меня подхватили и поволокли вверх, к вершине кучи, как поленья. Железные цепи, толстые и холодные, обхватили мои лодыжки и запястья, приковывая к крепкому дубовому столбу. Насмешка. Как будто плоть может удержать силу моего духа и могущества.

Я подняла голову. Солнце уже почти исчезло, но его последние, пылающие лучи окрашивали небо в кроваво-оранжевые, фиолетовые и алые тона. Мой костер должен был быть на его фоне не более чем свечкой. Но эти цвета, цвета угасающей жизни, были великолепным фоном для моего возрождения.

Толпа замерла в напряженном молчании. Все смотрели на меня, ожидая мольбы, слез, страха.

Я лишь улыбнулась. Широко, красиво и смертельно.

Один из старост, седой, трясущийся от гнева мужчина, чьего внука я забрала прошлой зимой, шагнул вперед. В его руке горел факел.

Пламя приблизилось к хворосту. Шипение, треск – и вот уже огонь с жадностью принялся пожирать сухое дерево. Дым повалил вверх, густой, удушающий.

Я закрыла глаза, вдыхая его.

Огонь подбирался быстро, обжигая ноги, полы платья. Боль стала нарастать, но я держала свой внутренний смех. Я чувствовала, как сгорает плоть, как тает моя прекрасная, тонкая кожа, как рвутся мышцы. Это было очищение. Разрушение, необходимое для перехода.

И тогда, когда языки пламени охватили меня полностью, когда толпа, наконец, удовлетворила свою жажду и завывала от торжества – я разразилась смехом.

Он был нечеловеческим. Чистый, звенящий, как разбивающееся серебро, лишенный боли, полный насмешки и безудержного веселья. Он пронзил рев толпы, он эхом ударился о стены Ратуши, поднялся выше дыма и пламени.

Мое тело горело красиво. Пламя, оттеняемое пылающим закатом, делало меня похожей на языческое божество на погребальном костре.

Я горела полностью. До тех пор, пока от моей идеальной оболочки не осталась лишь груда обугленных костей, прикованных к столбу. Но мой смех, мой чистый, звенящий, бессмертный смех не прекращался. Он звенел в ушах жителей, он звенел в воздухе над площадью, он звенел в их проклятых снах.

Он продолжал звучать, даже когда тело превратилось в прах.

В тот самый миг, когда последний кусочек плоти сгорел, мое сознание вырвалось из обугленных останков, как клуб густого, черного дыма, пропитанного чистой, концентрированной энергией – украденной жизненной силой, которая теперь была моей единственной сущностью.

Я парила над костром, невидимая и неосязаемая, впитывала воздух, наполненный страхом и удовлетворением толпы.

Я думала, конец настал. Но оказалось, что это только новая форма голода. Голода, который теперь будет еще острее, еще нестерпимее.

Я стала смехом, улетающим в ночь.

Я была дымом, выющим над тлеющим костром. Невидимая. Невесомая. И бесконечно голодная.

Толпа, удовлетворенная и опустошенная, начала расходиться, унося в своих сердцах эхо моего звенящего, безумного смеха. Я чувствовала их опустошение, их усталость, и это было горькое, неполноценное питание для меня, чистой энергии, которая требовала формы.

Без тела, без сосуда, я была лишь жаждущей бездной. Чтобы не рассеяться в холодном ночном воздухе, я инстинктивно втянулась в одну из уцелевших балок ратуши, став невидимым, но осязаемым сгустком энергии.

И в этой бесформенности, в этом вынужденном покое, меня накрыло. Не болью или страхом, а то, что было страшнее всего: памятью.

Мое проклятие. Видеть каждый украденный миг во снах, проживать чужие воспоминания, чувствовать их любовь и боль. Но сейчас, без тела, фильтрующего и притупляющего, я провалилась в свои воспоминания.

... Сырость, вонь и запах дегтя. Меня зовут... Как меня зовут? Эйра? Лаура? Нет. Меня звали Лайра. Мне семнадцать. Я сижу на холодных камнях подвальной темницы, и мои тонкие плечи дрожат от холода и от ужаса. Снаружи стонут больные. Это чума. Черная смерть пришла в деревню, и люди ищут причину, ищут того, кто виноват, ищут жертву.

Жертвой стала я. Дочь травницы, слишком красивая, слишком одинокая, чтобы быть просто человеком. Я – избранная человеческим страхом.

Меня вывели на площадь. Не на костер, как сейчас, а на алтарь. Каменный, черный от крови предыдущих обрядов. Вокруг я видела те же лица, что сегодня поджигали хворост, только моложе, чище, еще не обезображенные веками лжи. Они молились, заклинали богов, пророков, саму землю, чтобы моя невинная кровь остановила заразу.

Я увидела старика-жреца. Его глаза были красными от бессонницы и отчаяния. Он поднял ритуальный нож, острие которого тускло блестело в скудном свете дня.

«Пусть эта жизнь будет выкупной ценой за наши души!» – прохрипел он.

Я закрыла глаза, ожидая холодной стали и забвения. Я ждала смерти, как освобождения от жизни, от страха, от чумы.

Нож опустил. Была острая, мгновенная боль в животе.

И потом небытие.

Но оно оказалось не тишиной, а голосом.

Это был не глас бога и не тембр Дьявола. Это был шепот самой магии, чистой, первородной, которую выплеснули в мир отчаяние сотен людей и моя невинная жертва.

«Ты не умрешь. Ты не будешь спасением. Ты станешь потоком».

Вместо того чтобы уйти, моя жизнь, моя суть, хлынула из раны. Но она не упала на алтарь. Она встретилась с вихрем этой дикой, бесформенной магии, вызванной страхом.

Вместо того чтобы превратиться в пепел, я стала губкой. Я почувствовала, как по тонким нитям, невидимым для глаза, но осязаемым для моей умирающей души, ко мне потекла сила.

Не божественная благодать. А чужая жизнь.

Сначала, из умирающего жреца, который сам был заражен. Его сила, его последние мгновения веры и страха, влились в меня. Затем – от людей в толпе, чья жизненная сила была ослаблена чумой и голодом.

Это было как утоление жажды, о которой ты не знал. Тепло, сладко, опьяняюще.

Я поднялась с алтаря будучи уже ни живой и не мертвой, а иной. Рана уже затянулась.

Жрец упал, мгновенно высохший, как лист. Эпидемия чумы после всего этого не остановилась, зато началась моя жизнь и мое проклятие.

Я очнулась, осознавая себя потоком энергии, заключенном в балке ратуши. Внешний мир воспринимался серым, холодным, голодным.

Мне противна эта роль, ведь я делаю зло. И я постоянно вижу лица, которые сторают в моих снах. Я чувствую их любовь, силу и жизнь, которые потом сама же отнимаю.

Но я не могу остановиться.

Потому что без жизненной силы, без этой энергии, которую я ворую, я знаю, что произойдет. Я не умру окончательно. Я просто превращусь обратно в прах на алтаре, в пепел на костре, в ничто. Я превращусь в то, чем должна была стать почти тысячу лет назад.

Я краду жизни не ради наслаждения. Я краду их ради бытия.

Теперь, без тела, этот голод стал физическим, всепоглощающим. Мне нужна новая оболочка, молодая, сильная, чтобы вновь стать крадущей жизни, чтобы вновь начать свою игру.

Я вырвалась из балки, словно бесшумный, невидимый дым, и понеслась прочь от проклятой площади. Я – Лайра, вечное эхо жертвы, и я знала, что уже очень скоро мне придется воплотиться снова.

Скользя в потоках прохладного ветра, я снова предавалась воспоминаниям.

...Тело, еще вчера, невинный сосуд для жертвенной крови, теперь наполнилось новой, дикой энергией. Чужая сила горела внутри меня, требуя движения. Мои ноги, словно впервые обретая настоящую мощь, понесли меня прочь. Я бежала, легко перепрыгивая через камни, и за спиной слышала лишь слабые, прерывистые крики. Они не могли меня догнать. Их силы, истощенные чумой и страхом, уже частично принадлежали мне.

Всю ту ночь я бежала, пока не вышла на старую, заросшую дорогу. Воздух стал чище, и вместе с ним пришло осознание: я жива.

Мой новый голод самой сути существования был неутолим. Я знала, что энергия, полученная у алтаря, лишь временный запас. Чтобы жить, мне нужно было много энергии, чужой силы.

Я нашла свою первую настоящую жертву на рассвете. Старый паломник, хромавший по дороге в святые земли. Он был слаб, с его тела уже сходила последняя лихорадка. Его жизненная сила была, как тусклая свеча, горящая на ветру.

Я подошла к нему, надев маску напуганной невинности.

– Помогите, добрый человек, – попросила я голосом, в котором еще не отмерла девичья чистота. – Я сбилась с пути.

Он остановился, его глаза были добрыми, но до боли усталыми. Он потянулся к своей поклаже, чтобы дать мне воды.

В этот момент я совершила то, что с тех пор стало моей единственной природой. Я прикоснулась к его руке.

Я не использовала клыков или когтей. Я просто взяла. Моя сущность, мой внутренний поток, слился с его энергией. Это было инстинктивно, как дыхание. Я почувствовала слабый поток его жизни: его тяжелый, полный лишений путь; его крепкую, непоколебимую веру; боль в коленях от долгого пути; его воспоминание о жене, умершей прошлой зимой, оно было пронизано нежностью и тоской.

Это было как утоление жажды, тепло, сладко, опьяняюще. Я не пила кровь. Я пила время.

Старик не упал замертво, он просто иссяк. Кожа стала серой, морщины углубились, и за секунду он постарел лет на двадцать. Из него ушла воля к жизни и он просто сел на обочине, опустошенный, потерявший цель.

Я отошла. Чувство прилива сил было невероятным: его жизненная энергия наполнила меня.

Я знала, что делаю зло. Я чувствовала чужую боль, но я не могла остановиться, потому что без этой силы я сама превращалась бы в прах.

Так началась моя дорога. Я жила, как тень, подпитываясь от слабых, больных, одиноких. Я следовала за караванами, притворяясь сиротой, жила в придорожных тавернах, где могла «помочь» усталому путнику, забрав его усталость вместе с частью жизни или целиком отобрав последние годы существования.

Я коллекционировала память своих жертв: каждый украденный миг, каждое воспоминание о первой любви, о потере ребенка, о первой победе, я все это сохраняла в себе. Мой разум стал кладбищем чужих судеб, и я, Лайра, была обязана помнить их все.

Шли годы. Я меняла деревни, города, поглощая жизненную энергию от всё более сильных людей.

Я знала, что рано или поздно мой голод привлечет слишком много внимания. Мне нужно было место, где я смогу пить безопасно. А еще мне нужна была власть. И я нашла её в богатстве.

Мой дар позволял мне чувствовать не только живую силу, но и слабые энергетические отпечатки, оставленные старой жизнью на золоте и земле. Я могла чувствовать, где спрятаны старые клады, где зарыты забытые монеты.

Я начала «находить». Сначала украшения, затем тайники купцов. На эти деньги я купила небольшой дом на окраине большого города, став госпожой Лайрой, красивой, загадочной, одинокой вдовой.

Я не стала скупать земли. Я стала давать деньги в долг под высокие проценты. Те, кто не мог расплатиться, приходили ко мне в отчаянии. Я не требовала их жизни целиком. Я брала лишь «часть». И они становились моими вечными должниками, бледными, слабыми, с потухшими глазами, но живыми. Я выпивала их волю к борьбе, их стремление к лучшему. Они оставались, чтобы работать на меня, становясь послушными, как воск, и не могли уйти, потому что теряли желание уходить. Так, за сотню лет, моя власть выросла. Мои должники стали моими слугами, стражниками, моими глазами.

Я построила замок, неприступный снаружи, но полный моей жизненной силы внутри. Я краля жизни розовощеких младенцев, миловидных девушек, статных мужчин, потому что их энергия была чистой и пьянящей.

Я стала той, что крадет жизни и была уверена, что никогда не попадусь, ведь в красивой молодой женщине никто не заподозрит монстра.

Мой замок высился на холме, как каменный хищник. Я жила в нём довольно долго, питаюсь осторожно, создавая вокруг себя свиту из послушных должников и слабых, но преданных слуг. Моя власть над городом была абсолютной, моя внешность оставалась неизменной: прекрасная, холодная, вечно молодая госпожа Лайра.

Но вот по округе поползли слухи, как едкий дым. Люди шептались о том, что старики в деревне жили необычайно долго, хотя едва передвигали ноги и выглядели, как пергамент. Их жизни, которые я считала похожими на старую застиранную тряпку, были блеклыми и противными для меня, поэтому я их почти не трогала. Эти древние жители, отдающие затхлостью и плесенью, держались за жизнь с невероятным упорством.

Многочисленные молодые мужчины, полные сил, внезапно умирали или просто пропадали без вести, словно их уносил сильный ветер. Женщины, миловидные и красивые, сгорали в лихорадке, которая оставляла их тела опустошенными. Розовощекие младенцы, чья жизненная энергия была самой чистой и пьянящей, гасли, как свечи, не успев научиться ходить.

Деревня медленно, неуклонно превращалась в обитель старых, уставших людей, и это было неестественно.

Вскоре жители все поняли и перестали видеть во мне лишь богатую ростовщицу. Они увидели хищницу, которая охотилась за самым дорогим, что у них было: за молодостью и будущим.

Им потребовались месяцы, чтобы решиться напасть на мой неприступный замок. Люди были ослаблены моими пиршествами, но их ненависть и отчаяние были сильнее.

И в тот вечер, когда солнце садилось за кромкой леса, окрашивая небо в алые, предвещающие кровь тона, они, наконец, собрались. Вся деревня, от еле передвигающих ноги стариков до горстки молодых мужчин, вооружились факелами, вилами, топорами. Их жажда справедливости насыщала воздух густым, осязаемым напряжением.

Я слишком устала так жить, ибо пресытилась в полной мере. Языки пламени от пылающих факелов приближались. Я не видела их, но чувствовала эту толпу, предвкушающую возмездие. Их страх, их решимость, их ненависть и, да, суеверное почтение – какой сумасшедший коктейль из чувств!

Я отогнала обрушившуюся на меня память и закружилась в потоке сверкающих на солнце пылинок. Внезапно меня закружило словно в вихре и с сумасшедшей скоростью понесло вперед навстречу слепящему белому свету. Затем, я на огромной скорости влетела во что-то твердое, ощутив сильный удар. После этого мое сознание растворилось в небытие.

Возрождение

Сознание вернулось не мягким приливом, а резким, болезненным ударом, похожим на то, что за секунду до небытия бросило меня в вихрь. Я очнулась от грохота и гула, которые неслись не извне, а, казалось, исходили из самого воздуха. Этот звук был чудовищным, давящим и абсолютно незнакомым.

Глаза открылись. Вместо тусклого света факелов, меня ослепил слепящий, белый свет, льющийся из гладких потолочных панелей. Вокруг пахло резко и стерильно, не затхлостью земли и плесенью, а чем-то химическим, острым.

Я лежала. Ощущение тела было непривычным: не моё, не то, которое они сожгли. Оно было целым, но болело, не как при ожоге, а тупой, ноющей болью, словно меня переехал тележный воз.

Я попыталась сесть. Тонкие, слабые руки вздрогнули, и я услышала предупреждающий писк прибора, прикрепленного к моему пальцу.

– Мисс, лежите спокойно! Вам повезло, вы выжили в аварии! – раздался резкий, женский голос.

Я повернула голову. Сестра милосердия, но одетая в невероятно странный, гладкий синий наряд, с прической, словно вылитой из смолы, смотрела на меня с беспокойством. Она говорила на языке, который звучал как моя родная речь, но был наполнен чуждыми, скользящими звуками. Тем не менее, мои вековые воспоминания позволили моему разуму мгновенно адаптироваться.

Я вскочила, игнорируя протесты тела и писк аппаратуры. Моё внимание приковало огромное, прямоугольное зеркало в углу.

На меня смотрела она.

Молодое лицо, совершенно незнакомое. Блестящие черные волосы, коротко остриженные, обрамляли острые скулы. Глаза большие, карие, но в их глубине, как тлеющие угли, мерцали мои собственные воспоминания о прожитых столетиях. Это было лицо женщины, не моё, но теперь оно принадлежало мне. Я почувствовала слабость её жизненной энергии, но тем не менее испытывала благодарность.

Авария. Значит, она погибла. Я, бестелесная энергия, нашла её умирающий сосуд и вселилась в него.

– Где я? – мой голос был хриплым, низким, не таким звонким, как я привыкла.

– Вы в больнице. Вы попали под... – медсестра запнулась. – Вы пережили сильный шок. Я оттолкнула её руку и подошла к окну. То, что я увидела, заставило меня отшатнуться. Мир вокруг стал другим.

Вместо тихих, пыльных улочек и деревянных домов, внизу лежал целый океан металла и стекла. Невероятные, высокие башни, построенные из прозрачных материалов, упирались в небо. По широким лентам, называемым дорогами, двигались сотни сверкающих, быстрых экипажей без лошадей, издавая при этом неистовый, несмолкающий рев.

Шум. Этот город не умолкал. Гул повозок, резкие сигналы, высокий звук, похожий на крик огромного зверя, – все это обрушивалось на мои обостренные за века чувства.

Я вдохнула воздух. Он пах странно: смесью кофе, неведомых мне духов и резкого, обжигающего запаха, который, видимо, исходил от тех безлошадных экипажей – бензина, как узнала я позже.

– Это... современность, – прошептала я, используя слово, которое каким-то чудом вытянула из остатков памяти несчастной жертвы.

Я была ошеломлена, но тут же почувствовала его возвращение. Своего голода. Нестерпимый, он выворачивал мое нутро. Моя новая оболочка была слаба, её жизненная сила была истощена аварией, и моя вековая энергия требовала немедленной подпитки. Я была похожа на древнего хищника, выброшенного в изобильный, но незнакомый ему сад.

– Мне нужно уйти, – заявила я, направляясь к выходу.

Медсестра попыталась меня остановить, но я оттолкнула ее с неожиданной для этого слабого тела силой. Я не убила её, но мимолетное прикосновение принесло мне первый, крошечный глоток её сути – усталость после долгого дежурства, беспокойство о детях, мелкие заботы. Этого было недостаточно, но хватило, чтобы прояснить разум.

Выскользнув из палаты, я нашла первое попавшееся зеркало в коридоре. Я смотрела в него, и мои карие глаза мерцали холодным, древним знанием.

– Лайра, – прошептала я своему новому отражению. – Я снова жива. И мир стал очень, очень богат на молодых и сильных.

Я спустилась вниз, прошла мимо людей, которые говорили в маленькие блестящие коробочки и не обращали на меня внимания. Я покинула больницу и вышла в этот шумный, яркий, металлический мир.

Я стояла на тротуаре, и гул города обрушивался на меня. Но сквозь него я чувствовала миллионы бьющихся сердец, миллионы сильных, молодых энергий, которые можно было украсть. Голод вернулся с тысячекратной силой.

«Я краду жизни розовощеких младенцев, миловидных девушек, смазливых парней, красивых женщин и статных мужчин...» – этот девиз зазвенел в моей голове, как торжественная музыка.

Новый мир. Новые правила. Тот же голод.

Я улыбнулась. Это будет лучшая охота за все мои столетия.

Я решительно вышла из дверей лечебницы, и мир обрушился на меня не только шумом, но и ослепляющей, кричащей палитрой цветов. Небесные высотные дворцы, зеркальные фасады, сотни мелькающих, ярких вывесок, которые менялись с невероятной скоростью. Мой средневековый разум с трудом переваривал этот поток информации. Я шла по гладко покрытой дороге, озираясь, как загнанный зверь.

Станные, гладкие и блестящие экипажи без лошадей неслись по широким улицам, оставляя после себя тот едкий запах, а люди двигались с поразительной быстротой, погружен-

ные в свои маленькие светящиеся коробочки. Я почувствовала, как моя новая, слабая оболочка дрожит от переизбытка чужой энергии, витающей в воздухе.

Вскоре я поняла, что привлекаю внимание. На мне болталась лишь тонкая больничная сорочка, которая едва прикрывала колени. Ноги были босы и непривычно чувствовали холодную, жесткую землю.

Люди, спешащие мимо, стали замедлять шаг. Их взгляды, сначала полные безразличия, сменялись недоумением, а затем и откровенным любопытством, иногда переходящим в неприязнь. Они глазели на меня, как на сумасшедшую, сбежавшую из лечебницы. Я не знала, что такое сумасшествие в этом мире, но их взгляды были оскорбительны. Они видели во мне нищенку, нелепую фигуру, а не Крадушую Жизнь.

Чтобы затеряться, я по инстинкту нырнула под землю по ведущей туда лестнице, откуда исходил рокот, более глубокий, чем шум улиц.

Внизу воздух был плотным от запаха металла и пыли. Огромные, освещенные туннели казались бесконечными. Я вошла в стоящий на рельсах прямоугольный металлический сарай. Он был переполнен людьми, плотно стоящими друг к другу. Изобилие жизненной силы здесь было ошеломляющим, почти осязаемым. Я чувствовала эту энергию, молодую и старую, тревожную и радостную, – она билась о стены вагона, как волны о берег.

Внутри этого странного помещения на меня уставились уже все. Босые ноги, больничная сорочка, дикий, древний огонь в моих глазах – в этом тесном пространстве я была не просто странной, я была пугающей.

Голод вернулся, острый и нестерпимый. Я чувствовала, что моя новая оболочка не выдержит долго без подпитки.

Мой взгляд упал на женщину, стоявшую рядом. Она была молода, одета в яркую, тонкую одежду, и напряженно смотрела в свой светящийся квадратик. Я наклонилась.

Это было случайное, мимолетное прикосновение. Моя рука скользнула по её запястью, чтобы удержать равновесие.

Мгновенно на меня обрушился поток энергии. Я почувствовала не просто ее усталость, а яркие, живые воспоминания: улыбка мужчины, смех детей на яркой лужайке, тревога за оплату какого-то "кредита". Я увидела весь калейдоскоп её маленькой, полноценной жизни. Это было тепло, сладко, опьяняюще. Я напилась ею, как губка.

Женщина вздрогнула. Ее глаза расфокусировались, яркий румянец исчез с лица. Она пошатнулась, и этот ужасный светящийся квадратик выпал из ее рук. Она издала слабый, невнятный звук и потеряла сознание, упав прямо на пол вагона.

Я мгновенно поняла: способность сохранилась. Я по-прежнему была Крадущей Жизнь.

Но реакция людей была иной, чем в моём мире. Они не ужаснулись от вида иссохшего тела. Они запаниковали.

– Она что-то ей сделала! – Схватите её! Она ненормальная! – Нужно вызвать полицию!

Я была в ловушке. Люди, до этого отстраненные, теперь окружили меня, их коллективная энергия сжималась, превращаясь в угрозу. Они не видели моей магии, но видели моё странное одеяние и внезапный обморок попутчицы. Они решили, что я опасна.

Когда один крупный мужчина попытался схватить меня за плечо, я увернулась, используя инстинктивную скорость и силу, которые давала украденная энергия. Я оттолкнула его, и в тот момент, когда двери движущегося прямоугольника со скрежетом открылись очередной раз, я, словно дым, выскользнула из толпы.

Я бежала по странному помещению, которое называлась платформой, игнорируя крики и свистящие звуки. Выскочив на улицу, я вновь оказалась в хаосе, который казался теперь менее угрожающим, чем толпа, готовая меня судить.

Я остановилась в темном переулке. Новое тело тяжело дышало.

«Нужно понять этот мир. Нужно стать своей», – с холодной решимостью подумала я.

Я не могла питаться так открыто, не могла ходить в больничной сорочке. Мне нужна была маскировка. Мне нужна была информация. Мне нужно было затеряться.

Первоочередная задача – найти жилье и одежду, чтобы не привлекать внимание этих странных, легко пугающихся, но быстро объединяющихся людей.

Я осмотрела свои босые ноги. Начинать снова, с нуля, в мире, где нет ни кладов, ни вековых должников, будет сложно. Но я была Крадущей Жизнь. А этот новый мир, полный движения, шума и невероятной, бурлящей сути, был самым богатым охотничьим угодьем, которое я только могла себе представить.

Первые часы были пыткой. Голод отступил ненадолго, но какофония современного города продолжала давить на мой ошалевший разум. Я пряталась в узких грязных переулках, наблюдая за прохожими. Чтобы получить одежду и кров, мне нужно было действовать тихо, без привлечения внимания полиции, о которой так кричали в метро, именно так называлось место с движущимися прямоугольниками.

Первой целью стала одежда. Мне нужен был не только покров, но и маскировка. Ближайшие магазины были заперты, а кража на виду грозила провалом. Мой взгляд упал на задний двор большого здания, где висела веревка с постиранными вещами. Идеально.

Под покровом ночи я забралась на задний двор. Выбрав простую, темную одежду – широкие штаны, темный свитер и старые ботинки, я быстро переоделась. Сорочка была брошена в мусорный бак, как символ прошлого тела. Теперь я выглядела как одна из тысячи уставших жителей этого города.

Следующим пунктом было жилье, я не хотела оставаться в незнакомом мире ночью одна на улице. Я не могла найти золото, зарытое в земле, но я знала, что люди в этом мире оставляют свои отпечатки на том, что считают ценным.

Я инстинктивно потянулась к самым бедным и неприметным районам, где концентрация жизненной силы была ниже, а опасность вроде бы меньше. Нашла старый, обшарпанный дом с множеством крошечных окон – «общежитие» – гласила полу выцветшая табличка. Я проскользнула внутрь, прячась за тенями.

Голод был утолен лишь на треть. Мне нужен был более крупный, стабильный источник энергии, но не мертвый. Мне нужен был золотой ключ к этому новому миру.

В коридоре второго этажа я услышала тихий плач. Из приоткрытой двери комнаты номер семь доносились всхлипы.

Я заглянула внутрь. Девушка, лет двадцати, с волосами цвета меди, сидела на полу, обняв колени. Её комната была крошечной, заваленной странными книгами и бумагами.

Её энергия была сложной: сильная воля к жизни, но истощенная финансовыми проблемами, одиночеством и стрессом от "учебы". Идеальная жертва. Я могла бы поглотить её целиком, но...

Я остановилась. Убить её, значило получить лишь мимолетный приток силы и потерять окно в этот мир. Девушка была ключом.

Я постучала.

– Извините, – мой хриплый голос звучал уже более уверенно. – Вам нужна помощь?

Она вздрогнула, удивленно глядя на меня.

Я вошла и села на край кровати, придав своему лицу выражение растерянной печали, которое с таким мастерством скопировала у сотен своих жертв.

– Я... Я попала в аварию, – начала я, используя историю погибшей женщины. – Меня зовут Лайра. Я приехала из маленькой деревушки, искала работу, но... меня сбила эта... колесница. Я очнулась в лечебнице, а все мои вещи пропали. Я не помню многого.

Это была идеальная ложь. Частичная потеря памяти объясняла мою невежественность и мое странное поведение.

Девушка, ошеломленная и размягченная внезапным горем, забыла о своем плаче. Она была доброй, доверчивой душой.

– О, Господи... – Она поднялась. – Меня зовут Элла, Лайра, это ужасно! Как ты сюда попала?

Я рассказывала обрывки, смешивая правду про больницу с ложью про деревню, и, главное, не отводила от неё глаз, чтобы тонко подпитываться её сочувствием и жалостью. Эта энергия была мягкой и питательной.

Элла, как и ожидалось, проявила сострадание, которое в моём мире уже давно вымерло.

– Здесь не безопасно, – прошептала она. – Я не могу тебя так оставить. У меня есть матрас. Можешь пожить у меня, пока не встанешь на ноги.

Именно это мне и было нужно. Жилище и наставник.

Дни пошли своим чередом. Я жила в крошечной комнате Эллы, спала на полу, но была в безопасности. Я немного подпитывалась её энергией, но лишь до той черты, где девушка не теряла ясности ума и воли.

– Что это за "интернет"? – спрашивала я, изучая светящийся ящик, который Элла называла "ноутбуком".

– Это, ну, весь мир, Лайра! Все знания, вся информация, – с энтузиазмом объясняла Элла.

И очень сильно переживала, что мне так «сильно отшибло память».

Я же часами смотрела в ее "интернет". Узнавала о политике, моде, деньгах, "банках" и "кредитных картах". Я училась читать их странные, мелькающие символы и понимать, что "социальные сети" – это кладёзь чужих жизней, открытых на всеобщее обозрение.

Я впитывала всю информацию и очень быстро поняла, что в этом новом мире люди добровольно выставляют напоказ свои мысли, чувства и, главное, слабости.

У меня было укрытие, одежда, я обрастала вещами и, главное, у меня был золотой ключ – доверчивая, полная жизненных сил Элла, которая, к счастью для себя, пока оставалась для меня более ценной живой.

Я должна была стать своей, чтобы начать новый, масштабный сбор жизненной силы. И этот странный, шумный, яркий мир казался мне самым идеальным местом для вечной жизни.

Первая встреча

Прошло полгода, и я стала мастером мимикрии. Моё тело, бывшее сосудом несчастной жертвы аварии, полностью окрепло, и я научилась контролировать свой энергетический голод. Элла стала моим незаменимым якорем. Она верила моей легенде о потере памяти, а я, питаюсь лишь крохами ее сочувствия и дружелюбия, сохраняла её энергию для своих будущих целей.

Жизнь в городе, который Элла называла мегаполисом, требовала денег, этих странных бумажек и пластиковых карт. Мне нужна была подработка. Элла, сама студентка, устроила меня на простейшую работу: ночная уборка офисов в стеклянных высотках.

Это было идеально. Пока город спал, я двигалась по пустым коридорам, полным запаха полироли и свежей печати. Здесь я могла безопасно подпитываться. Я прикасалась к чужим вещам: столам, стульям, даже клавиатурам, впитывая остаточную энергию, которую оставляли после себя работники. Это были отпечатки целеустремленности, стресса, амбиций. Мелкие крошки, но достаточные, чтобы поддерживать тело и не привлекать особого внимания.

Но настоящая охота начиналась после смены.

Я поняла, что самым богатым и наименее защищенным источником чистой, бурлящей силы является пьяная молодежь. Каждую пятницу и субботу я отправлялась в шумные, темные заведения, которые назывались клубами.

Внутри царил огушительная музыка, в воздухе разливались запахи алкоголя и чужого пота. Неоновые огни призывно пульсировали, а тела двигались в диком, первобытном танце. Здесь, среди хаоса, моя энергия чувствовала себя как рыба в воде.

Я скользила сквозь толпу, избегая лишних прикосновений, пока не находила нужную жертву. Пьяная молодежь, лишённая контроля и трезвости, была идеальной. Их жизненная сила, расслабленная и не сдерживаемая разумом, вытекала наружу, словно открытый кран.

Я выбирала парней и девушек, чья энергия была самой яркой: тех, кто громче всех смеялся, страстно танцевал или отчаяннее всех целовался. Случайное, мимолетное прикосновение в толкучке, на танцполе, или когда они просили «подержать напиток». Этого было достаточно, чтобы взять самый сок их страсти, радости и беззаботности.

Они не падали в обморок, как в метро. Они просто чувствовали внезапную, сильную усталость, списывая это на алкоголь или слишком долгие танцы. Я уходила, наполненная их огнем, чувствуя, как моё тело молодеет и обновляется.

Элла, моя добровольная наставница, имела на меня свои планы. Она считала меня «талантливой, но растерянной душой», которой нужно «вернуться к жизни».

– Лайра, послушай, – говорила она, когда мы сидели в нашей маленькой комнате. – Ты очень умная. Я вижу, как быстро ты все схватываешь. Ты выучила язык за полгода лучше, чем некоторые, кто здесь родился! Тебе нельзя работать уборщицей.

Она указывала пальцем на стопки своих учебников.

– Тебе нужно поступить в университет. Это твой шанс! Ты получишь диплом, а с ним придут уважение, деньги, а главное – контроль над своей жизнью.

Слово «контроль» привлекло моё внимание. Элла видела в образовании свободу. Я видела в нем власть.

В моём старом мире власть приобреталась золотом и долгами. В этом, новом мире, власть приобреталась знаниями и информацией. Чтобы стать по-настоящему неуловимой и могущественной, мне нужно было понять, как работают их «банки», их «законы» и их «технологии».

– Хорошо, Элла, – решила я с почти искренним энтузиазмом. – Я поступлю. Научи меня как сделать это.

И с того дня моя жизнь разделилась на три части: ночная работа, субботняя охота в клубах и изнурительная учеба. Я вгрызалась в учебники Эллы. Я читала о физике, истории, экономике. Мне было легко, потому что многие «новые» идеи были лишь переработкой древних принципов, а мой разум, обремененный веками воспоминаний, быстро находил закономерности.

Я училась с жадностью хищника, готовящегося к решающему броску. Я знала, что как только я получу «диплом», этот новый ключ к могуществу, я смогу двигаться в высшие сферы, где жизненная сила не просто чиста, но и концентрирована: среди политиков, банкиров, олигархов, влиятельных людей.

Я смотрела в зеркало и видела молодое лицо, но мои глаза уже не отражали растерянности. Они отражали холодный, древний расчёт. Скоро я перестану быть тихой и незаметной девушкой и снова стану госпожой Лайрой, готовой основать своё новое, вечное царство в этом шумном, сияющем мегаполисе.

Моей целью был грант, который бы полностью оплатил мое обучение. Это дало бы мне необходимый статус без необходимости тратить украденные сбережения Эллы. После месяцев подготовки, я выбрала специальность, которая обещала наибольшую концентрацию власти и знаний: финансовое право и информационные системы. В этом мире деньги и информация суть два столпа могущества.

Однако, чтобы удовлетворить моё внутреннее, вековое любопытство, я обязательно включила в учебный план факультативные курсы: сравнительная мифология и история древ-

них культов. Я хотела понять, как за столетия изменились легенды о существах вроде меня, и сохранились ли вообще знания о магии.

И вот это день настал. Аудитория была огромной, залитой ярким светом. Сотни молодых людей, полных свежей, бурлящей энергии, сидели за рядами столов, склонившись над бумагами и странными электронными планшетами. Концентрация жизненной силы была невероятной. Я чувствовала эту энергию, как густой мед.

Я сидела в самом дальнем углу, стараясь выглядеть серой и неприметной, как я и задумала. Я была одета в простую, но чистую одежду, мои черные волосы были аккуратно собраны, а глаза, в которых таилось знание сотен лет, были намеренно притушены.

Экзамен начался. Это было сложное тестирование на логику, математику и знание этого нового, безумного мира. Мой ум, привыкший к вековому анализу, быстро справлялся с заданиями. Я работала быстро, погруженная в процесс, но моё внимание внезапно привлекло тепло.

Оно шло не от людей, а от бумаги под моей рукой.

Я решала последнюю задачу, какой-то сложный логический парадокс. Мой мозг работал на полную мощность, используя всю энергию, которую я накопила за последние ночи. И, видимо, моя внутренняя, магическая сущность, которую я старалась держать под контролем, на мгновение вышла из-под него.

Бумага, лежавшая передо мной, начала медленно, тлеть.

Сначала это был лишь легкий, едва заметный дымок, похожий на пар. Но через секунду прямо под моей ручкой, которая продолжала писать ответ, образовалось маленькое кольцо угольков. Энергия, которую я излучала при пике концентрации, была настолько велика, что сожгла бумагу.

Тишина в аудитории была нарушена не моим криком, а громким кашлем сидевшего рядом студента.

Я мгновенно отдернула руку и прикрыла прожженное место локтем. Успев в последнюю секунду взять себя в руки, я моментально поглотила часть своего же испуга, чтобы унять внутренний огонь.

Но было слишком поздно.

Через всю аудиторию, как рябь по воде, пробежали шепотки. Студенты, сидевшие рядом, смотрели на меня с изумлением, переходящим в страх. Некоторые вскочили, привлекая внимание наблюдателей.

– Что случилось? – строго спросил один из экзаменаторов.

– У девушки... бумага загорелась, – пробормотал один из соискателей.

Я, сохраняя на лице маску невинного шока, которую освоила ещё в тавернах, быстро протянула экзаменатору слегка опалённый лист.

– Я не знаю, сэр, – сказала я голосом, полным ложного испуга. – Может быть, чернила были испорчены? Или свет слишком яркий?

Экзаменатор, человек науки, не мог поверить в самовозгорание бумаги. Он списал инцидент на стресс или чью-то глупую шутку, но обгоревший контур остался.

Я сдала работу и быстро вышла из аудитории. Мой план рухнул.

Я хотела быть серой, невидимой, чтобы спокойно изучать этот мир и его обитателей. Но теперь я была отмечена из-за этого досадного события. Я была девушкой, от которой загорелась бумага. Это экстраординарное происшествие мгновенно сделало меня объектом интереса.

Я чувствовала на себе взгляды будущих сокурсников. Я видела, как они показывали на меня пальцами.

– Смотри, это она! – шептали одни. – Та самая, что устроила пожар! – говорили другие.

Меня охватила волна досады. Не страха разоблачения, а именно раздражение от невольного внимания, когда оно мне было не нужно. Столетия я тратила на то, чтобы стать незамет-

ной, чтобы моё присутствие было всего лишь фоном, а здесь, в этом мире науки и технологий, я внезапно выдала свою сущность из-за глупого логического парадокса!

Я знала, что теперь моё обучение будет осложнено. Придётся тратить энергию не только на учебу и охоту, но и на поддержание легенды.

Однако, когда я вспомнила, что уже скоро сяду в лекционном зале и буду слушать о древних мифах и легендах, в моём сердце шевельнулось предвкушение. Возможно, это внимание, этот небольшой инцидент, поможет мне найти тех, кто всё ещё помнит о настоящей магии. И тогда моя охота станет намного интереснее.

Уведомление пришло через две недели. Элла, не менее нервничавшая, чем я, первой увидела письмо в ящике электронной почты.

– Лайра! Лайра, смотри! – закричала она, задыхаясь от волнения. – Результаты!

Я подошла к старому, мерцающему экрану, сохраняя внешнее спокойствие. Элла быстро прокрутила список.

– Вот! финансовое право и информационные системы... Лана... – она запнулась. – Подожди... вот же! Лайра. Лайра... Поздравляем! Вы приняты на полный грант!

Я прочитала строчку, не дрогнув. Мой результат был в числе лучших, несмотря на странный инцидент с бумагой. Опыт столетий и концентрация украденной энергии сделали свое дело. На моём лице скользнула едва заметная, самодовольная ухмылка. Моя первая победа в этом новом мире. Золотой ключ был у меня в руках.

Элла, не заметив моего мгновенного триумфа, обняла меня, визжа от радости.

– Я знала! Ты просто гений! Теперь у тебя есть будущее! Ты сможешь вернуть свою жизнь!

Вечером, когда мы пили дешёвый вермут, купленный ради этого случая, Элла стала участливо, с той же трогательной заботой, которую я тонко подпитывала, расспрашивать меня.

– Лайра, знаешь... ты уже полгода живешь со мной. Учишься, работаешь. Почему твоя память так и не вернулась? – её брови сошлись на переносице.

Я тут же приняла выражение печальной растерянности.

– Я не знаю, Элла, – мой голос был мягок, но в нём звучала скрытая сталь. – Врачи сказали, что это может быть временный блок. Иногда мне кажется, что я помню что-то... очень старое. Какие-то странные сны о лошадях, кострах, старых стенах.

– Может, ты жила в деревне, где было какое-то историческое поселение? – предположила Элла, пытаясь логически объяснить мои «сны».

– Может быть, – согласилась я, отпивая кислое вино. Я позволила ей думать, что я всего лишь запутавшаяся, потерявшая память девушка из глубинки. Мне было приятно видеть, как легко люди принимают самое невероятное объяснение, лишь бы оно соответствовало их представлениям о нормальности.

Я знала, что моя память никогда не вернётся, потому что она никуда не уходила. Она была моим проклятием.

Утро первого учебного дня было пропитано волнением, исходящим от сотен студентов. Я же шла в университет с холодным расчётом. Моя первая лекция как раз была сравнительная мифология и история древних культов. Этот курс являлся моим единственным допущением к чистому любопытству.

Я пришла в аудиторию одна из первых. Это была старая, полутемная лекционная зала, не тронутая современным ремонтом, с запахом пыли и старых книг. Я специально оделась максимально скромно: серый свитер, темные брюки, старая, но чистая обувь, чтобы слиться с фоном.

Я скользнула к заднему ряду, пытаясь прошмыгнуть на своё место незаметно, но тут же остановилась.

За преподавательским столом сидел он.

Молодой, невероятно красивый мужчина. У него были светлые вьющиеся волосы, спадающие на высокий лоб, и резкие, аристократические черты лица, которые могли принадлежать средневековому рыцарю или высокопоставленному жрецу. Он был одет не в строгий деловой костюм, а в простую, но дорогую вельветовую куртку.

Я почувствовала его энергию. Она была не кричащей, как у студентов, а глубокой, как бездонный колодец. Утонченная, но при этом невероятно плотная, как старое дерево. Он не выглядел полным энергией, но его внутренняя сила была огромна.

Когда я вошла, он поднял голову от старой, кожаной книги. Его серые глаза, обрамленные удивительно длинными ресницами мгновенно встретились с моими.

В его взгляде не было ни любопытства студентов, ни осуждения экзаменаторов. В его взгляде было знание. Знание о чём-то старом, о чём-то, что не могло быть забыто. Он смотрел на меня, скромно одетую девушку, не как на студентку. Он смотрел, как будто знал меня, но забыл.

На его губах, всего на мгновение, скользнула тень улыбки.

Меня пронзило чувство, похожее на тревогу. Столетия я была уверена, что никто не может меня распознать и теперь эта уверенность пошатнулась.

– Доброе утро, – произнёс он низким, бархатным голосом, который эхом пронёсся по пустой аудитории. – Меня зовут Габриэль Эйнсворт. Я ваш преподаватель.

Я опустила глаза и поспешила сесть. Впервые за долгое время я почувствовала себя не охотницей, а той жертвой, на кого смотрят и изучают. И этот Габриэль Эйнсворт не просто смотрел. Он что-то видел.

Аудитория быстро заполнилась. Студенты, полные утренней энергии и поверхностного любопытства, рассаживались с шумом и гамом. Я сидела в самом дальнем углу, стараясь максимально слиться с тенью, но остро чувствовала взгляд преподавателя, который, казалось, прожигал во мне дыру.

Лекция началась. Габриэль говорил о сравнительной мифологии, о том, как схожи сюжеты древних сказаний разных народов, о богах, героях и монстрах. Его голос был притягателен, а речь безупречна. Он мог бы говорить о древней истории, но его интонации были такими, словно он рассказывал о вчерашних событиях, о которых у него были личные сведения.

Не успела я толком сосредоточиться, как ощутила движение рядом. На место, которое я старалась держать свободным, присел высокий, смазливый парень.

– Привет. Меня зовут Макс. А ты та самая, чья бумага загорелась, да? – он улыбнулся, и его чистая, молодая, но абсолютно пустая энергия тут же ударила мне в висок.

Я ответила холодно, не поворачивая головы.

– Лайра. И это был просто плохой лист.

Макс не отступал, его слова были полны глуповатой самоуверенности. Он начал что-то говорить о моем имени, о мистической ауре и о том, как он сам обожает тайны. Мне стало тошно. Его поверхностная энергия была как дешёвое, слишком сладкое вино, пить его не хотелось, а от его запаха даже мутило.

Я почувствовала, как внимание Габриэля переместилось. Он говорил о скандинавских мифах, но его серые глаза, не моргая, смотрели прямо на нас. Он наблюдал за моей реакцией на Макса с почти научным, ледяным интересом.

Он ждет, что я сделаю? Он ждет, как я поведу себя? – подумала я с нарастающим раздражением.

Я, наконец, повернулась к Макс, и моё прикосновение было намеренно долгим. Мой взгляд скользнул по его руке. Я взяла его самоуверенность и немного беспокойства, которое он прятал за своей бравадой.

Макс мгновенно побледнел, его глаза расширились. Он перестал говорить на полуслове, почувствовав внезапную, необъяснимую усталость, словно его только что разгрузил тяжелый воз. Он нервно поёрзал, и, к моему удовлетворению, поднялся и пересел на три ряда вперёд. Это не осталось, конечно, незамеченным для преподавателя.

Моё же удовлетворение было недолгим. Когда я снова перевела взгляд на преподавательский стол, Габриэль Эйнсворт как раз перевернул страницу огромной, древней книги в каждом переплёте.

Свет из окна упал на открытый разворот. Лектор начал говорить о сущностях, которые поглощают жизненную силу, известные в разных культурах как ламии или стриги, но его слова пролетели мимо меня.

Мой внутренний мир мгновенно заledenел. Я почувствовала ужасающий страх, который не испытывала с того дня, как нож жреца вошел мне в живот.

На странице, которую он открыл, были старинные записи и чернильные рисунки. И один из рисунков был посвящен существу, высасывающему жизненную силу.

Под схематичным изображением была подпись на латыни и рядом, крупным планом, портрет. Грубо, но поразительно точно выведенное чернилами лицо молодой женщины. Лицо было бледным, с высокими скулами, а глаза имели ту же странную, вечно молодую форму, что и мои. Это было не просто похоже. Это было моё лицо, то самое, которое сожгли на костре.

Я узнала себя, свою первую, самую красивую и самую неудачливую оболочку.

Рука, державшая ручку, задрожала. Внутри меня зазвенел колокол тревоги. Это не была мифология. Это была документация. В новом мире, полном технологий, кто-то сохранил записи, да ещё и с моим портретом.

Я подняла взгляд. Габриэль, словно зная, куда я смотрю, прервал свою речь.

– ...и мы видим, как миф всегда повторяет реальность, не так ли? – произнёс он, его голос был мягок, но пронизывал напряжением.

Он оперся руками о стол, и его серые глаза, словно зеркала, в которых отражалась моя древность, цепко ловили мой взгляд. Он не просто смотрел. Он ждал. Ждал моей реакции. Ждал, когда я, наконец, признаю, что знаю эту книгу и это лицо.

Мне нужно было казаться напуганной студенткой, но внутри меня всё кричало о бегстве. И я поняла, что поступление в университет было не моим ключом к могуществу, а ловушкой, которую кто-то очень умный и очень древний расставил для меня.

След тени

Габриэлю Эйнсворту было всего двадцать восемь лет, и он уже занимал должность профессора в одном из старейших университетов. Природа наградила его не только острым, аналитическим умом, но и внешностью, которую таблоиды, за которыми он, к слову, никогда не следил, назвали бы «завидным холостяком». Светлые волосы, классический римский профиль и глаза, способные удерживать внимание аудитории, всё это создавало вокруг него ауру интеллектуальной и аристократической недоступности.

Он не интересовался современной суетой. Пока его коллеги занимались проблемами глобальной экономики или компьютерным моделированием, Габриэль посвятил свою жизнь изучению древних мифов и забытых культов. Он не считал это академическим курьезом. Он был убеждён, что рядом с современным прогрессом, рядом со стеклом и сталью, всегда существовала и продолжает существовать мистика и магия. Для него мир был не логической схемой, а многослойным палимпсестом, где под новейшими технологиями скрывались самые древние истины.

Поздний вечер застал его в кабинете, где царил аромат старой бумаги и дорогого табака. На его столе, под светом настольной лампы, лежала открытая книга.

Это был артефакт, а не просто фолиант. Его обложка была из грубой, потёртой кожи, страницы из пожелтевшего пергамента. Габриэль аккуратно водил пальцем по латинскому тексту, который описывал сущностей, питающихся жизненной силой.

Эта книга досталась ему три года назад, во время экспедиции в один из самых отдалённых уголков Восточной Европы. Он нашёл её не в музее, а в затерянной библиотеке, которую охранял дряхлый, почти слепой старик.

– Это не история, сын мой, – прошептал старый хранитель, передавая Габриэлю тяжёлую книгу. – Это руководство. И оно показывает лицо твоей беды.

С тех пор Габриэль не расставался с ней.

Его взгляд вновь упал на иллюстрацию, которую он намеренно оставил открытой на лекции. Грубый, но точный портрет существа, которое на латыни называлось *Vitae Raptor* – Крадущая Жизнь.

Он помнил, как впервые увидел этот рисунок. Черты лица, их странная, вечно молодая геометрия, высокие скулы. Это было так поразительно, что Габриэль не мог отвести глаз.

Во время сегодняшней лекции, когда Лайра вошла в аудиторию и проскользнула на свое место, он сперва не понял, что его так зацепило. Он лишь ощутил аномалию: глубокое, древнее знание, спрятанное под маской скромной студентки. Он почувствовал, что её энергия, хоть и была искусно замаскирована, резонирует с его книгой.

Но когда она повернулась к Максусу, чтобы ответить на его глупые заигрывания, и её профиль на мгновение осветился, Габриэль узнал её.

Это было невероятно. Лицо Лайры, студентки, было почти идеальным повторением портрета *Vitae Raptor* из древнего фолианта. Конечно, стиль рисунка был примитивным, но сходство было слишком поразительным, чтобы быть совпадением.

«Она не просто похожа. Она и есть то существо, о котором здесь написано», – с холодной уверенностью подумал Габриэль, аккуратно закрывая фолиант.

Он не был испуган. Он был заинтригован. И его интерес усилился, когда он увидел, как легко и быстро она забрала часть жизненной силы у Макса, заставив того уйти.

Он решил, что просто наблюдать за Лайрой будет недостаточно. Его многолетние поиски, наконец, привели его к живой мистике.

Габриэль погасил свет в кабинете. Он знал, что Лайра, Крадущая Жизнь, не придёт к нему сама. Но он найдёт способ, чтобы она выдала себя. И теперь, когда она знала, что он видел её лицо в книге, игра становилась намного опаснее и интереснее для них обоих.

***

Я стремительно ворвалась в крошечную комнату общежития, задыхаясь не от бега, а от ледяного, древнего страха. Мое молодое, но слабое тело дрожало, и этот тремор был вызван не слабостью, а паникой, которую я не позволяла себе чувствовать с того дня, как меня сожгли на костре.

Дверь захлопнулась и я прислонилась к ней спиной, пытаюсь унять бешеный стук сердца. Перед глазами до сих пор, даже в темноте, стоял открытый разворот той книги: грубый, чернильный рисунок моего первого лица. Я же видела, как Габриэль Эйнсворт смотрел на портрет, не с любопытством, а с пониманием. Он знал, кто я или чувствовал.

– Он знает. Он знает! – шептала я, и этот шепот был полон ужаса.

Сотни лет я была уверена в своей неуязвимости и невидимости. Я была хищником, и никто не мог распознать меня среди овец. Но этот молодой, аристократичный профессор хранил доказательство моего существования.

Мне хотелось немедленно сбежать. Бросить всё: грант, Эллу, подработку, и исчезнуть в другом городе, в другой стране, где никто не видел моего лица в древней, кожаной книге.

Я начала метаться по комнате. В голове билась только одна мысль: бежать. Я схватила рюкзак, в котором хранились мои немногочисленные вещи, и вытряхнула его содержимое на

пол. Учебники, дешёвая одежда, несколько купюр, которые откладывала на будущее. Я рылась в вещах, ища что-то, что могло бы помочь исчезнуть.

– Глупо! Это глупо! – бормотала я, пиная ногой стопку конспектов Эллы.

Но внезапно мои метания прекратились.

Я остановилась посреди комнаты, осматривая разбросанный хлам. Мой взгляд остановился на отражении в маленьком, треснутом зеркале. В нём было лицо Лайры – молодое, но искажённое паникой.

И тут что-то щёлкнуло. Древний, холодный разум, закалённый столетиями, взял вверх над минутным страхом.

Я – Крадущая Жизнь.

Самоуверенность и сила, украденные у тысяч жертв, начали подниматься внутри меня, вытесняя панику. Я вспомнила себя, стоящую у костра, смеющуюся, глядя в лицо смерти. Вспомнила, как построила свою первую империю на долгах и страхе.

– Чего я боюсь? – прошептала я, и мой голос стал твёрдым.

Я подошла к зеркалу, и увидела как мои глаза наполнились тем же холодным, древним огнём, который так напугал Макса.

Габриэль Эйнсворт. Кто он? Молодой человек, изучающий древние мифы по старым книгам. Он силён, да, я это почувствовала. Но его сила – это сила знания, а не сути. Он не знает, что такое вечный голод, что такое видеть тысячу смертей во снах. Он всего лишь человек, чей срок жизни исчисляется несколькими десятками лет.

Я же – бессмертна. Моё тело можно сжечь, но моя энергия найдёт новый сосуд.

– Я пережила чуму, костёр и пятьсот лет голода, – сказала я своему отражению. – И я должна бежать от человека с книгой?

Это было абсурдно. На самом деле, это было оскорбительно.

Мой страх был глуп. Он показал, насколько я слаба сейчас, в новом теле, в чужом мире. Но теперь, когда я осознала эту слабость, я могу её преодолеть.

Я наклонилась, аккуратно собирая разбросанные вещи. Решение пришло мгновенно, кристально чистое и безжалостное.

Уезжать я не стану.

Университет, грант, и, самое главное, этот преподаватель – это не ловушка, а возможность. Если он знает обо мне, значит, он знает и о слабостях, и, возможно, о сильных сторонах, которые я сама ещё не открыла в этом новом мире. Он будет для меня ценным источником информации, которого я не могу просто так оставить.

Но и подставляться под его любопытный взгляд я не собиралась.

– Я останусь, Габриэль Эйнсворт, – прошептала я.

Приняв окончательное решение продолжать обучение по программе финансовое право в университете, буду подпитываться также в ночных клубах, но лекции по сравнительной мифологии я больше посещать не буду. Я найду способ получить необходимый материал, но не позволю этому молодому профессору наблюдать за мной.

Теперь игра становилась не игрой на выживание, а игрой на превосходство. И я была уверена, что человек, вооружённый лишь знанием, не сможет победить существо, вооружённое вечностью.

Первым делом я пошла в университетский корпус, избегая того крыла, где находилась аудитория Габриэля Эйнсворта. Мне нужно было официально исключить сравнительную мифологию из моего расписания. Я не могла рисковать, подставляясь под его пронизательный, знающий взгляд.

«Слишком опасно, – думала я. – Если он что-то знает, он будет искать подтверждения. Я не дам ему этой возможности».

Я нашла кабинет декана по учебной части. Кабинет был мрачным, с запахом пыли и старых бумаг, но здесь царил порядок, который мне всегда нравился.

– Мне нужно изменить свой учебный план, – обратилась я к секретарше, натянув на лицо маску вежливой, но рассеянной студентки, которая потеряла память.

Женщина, уставшая и полная скрытой тревоги, посмотрела на меня с легким раздражением.

– Какая специальность? И почему?

– Финансовое право. Я хочу отказаться от мифологии и истории культов, – спокойно ответила я. – Мне срочно нужно наверстать программу по экономике. После аварии я чувствую, что мне нужно сосредоточиться на основном предмете, чтобы не потерять грант.

Я использовала слово «грант». В этом мире это было магическое слово, открывающее многие двери. Секретарша тут же смягчилась, видя во мне целеустремлённую, хотя и немного травмированную студентку.

– Хорошо, Лайра. Завтра же подпишу бумаги. Но предмет интересный, – заметила она.

– Я люблю реальные знания, – ответила я, легко улыбаясь, чтобы замаскировать мою истинную природу. Реальные знания – это те, которые позволяют манипулировать.

После я отправилась в библиотеку. Не для того, чтобы найти книги Габриэля, а чтобы изучить его самого.

Я села за один из компьютеров, которые были моим новым окном в мир, и ввела его имя: Габриэль Эйнсворт.

Результаты были обильны и любопытны. Молодой профессор, в 28 лет уже заведующий кафедрой. Выпускник самых престижных заведений. Специалист по европейскому фольклору и сакральной истории. Я просматривала его фотографии: он всегда был серьёзен, его серые глаза смотрели куда-то вдаль, словно видели невидимое.

Я нашла отрывки из его работ. Он писал о переживании коллективной травмы и о бессмертных эманациях, оставленных в мифах. Он не был обычным академиком. Он был искателем.

– Значит, ты ищешь не просто легенды, Габриэль, – прошептала я, и мои губы тронула холодная улыбка. – Ты ищешь меня.

Мне стало ясно: он намеренно открыл ту книгу. Он хотел увидеть мою реакцию.

Моя первоначальная мысль о том, что он просто нашел артефакт, сменилась уверенностью: он, вероятно, принадлежит к какой-то древней, тайной линии хранителей или охотников.

Но я была сильнее. Я была живой, а он лишь читал старые записи. Знание – это не сила. Жизненная энергия – вот истинная сила.

Я встала из-за стола, ощущая прилив энергии от своего холодного, безупречного расчета. Я не буду его бояться. Я буду его избегать, пока не пойму, как использовать его знание в своих целях.

Моя жизнь вернулась в привычное русло: днем – сложная, но понятная математика финансов, которая давала мне инструмент для власти; ночью – уборка и охота в клубах, которая давала мне суть для жизни.

Я знала, что Габриэль не оставит меня в покое. Он видел то, что не должен был видеть. И если он попытается приблизиться ко мне, я буду готова. У меня было вечное терпение и ненасытный голод. Я не убью его сразу. Я выпью его знание, его тайны, его разум. А потом оставлю его бледным, опустошенным, и полностью лишенным цели, как того паломника на старой дороге.

Теперь я была уверена: я не просто выживу в этом мире. Я буду им править.

***

Габриэль Эйнсворт ощущал нарастающее раздражение. Несколько дней он проводил лекции, но место в дальнем углу, которое занимала Лайра, оставалось пустым. Его ожидание

было напряженным, почти осязаемым, но Лайра не появлялась. Он ждал столкновения, ждал попытки отрицания, но получил лишь тишину. Её отсутствие говорило больше, чем любое опровержение.

«Она поняла. Она увидела портрет и осознала, что её секрет известен», – заключил Габриэль.

Он пытался убедить себя, что это хорошо. Избегая его, Лайра подтверждала свою виновность. Но для него это был просчет. Он хотел наблюдать, изучать её реакции. Он хотел понять, как древнее существо функционирует в современном мире.

Вечером, после занятий, он зашёл в деканат под предлогом обсуждения нового факультатива. Секретарша, все еще уставшая, но с готовностью готовая поболтать с привлекательным профессором, случайно упомянула об изменениях в расписании.

– Представляете, этот ваш предмет, мифологию, убрала из расписания та самая, новенькая. Лайра. Сказала, ей нужно сосредоточиться на финансах.

Габриэль почувствовал, как внутри него всё сжалось. Она не просто перестала ходить, а специально удалила его из своей жизни, как досадную помеху. Она не паниковала, но включила холодный расчёт, отрезав путь к контакту.

Вернувшись домой в свой кабинет, он тут же открыл книгу. Кожаный переплет отзывался теплом от его прикосновений. Под светом лампы Габриэль вновь уставился на портрет *Vitae Raptor*.

– Почему ты так похожа? – прошептал он, склоняясь над рисунком. – Твои глаза... они видели, как рисовалась эта страница.

Он погрузился в свои исследования. Габриэль знал, что *Vitae Raptor* не были вампирами или демонами в классическом понимании. Он начал искать в тексте дополнительные сведения. Он переводил сложную латынь и редкие диалекты, сопоставляя их с другими древними источниками, которые он привез из своих экспедиций.

Ночь сменилась утром, а он всё читал, пока не наткнулся на фрагмент, который прояснил ситуацию.

Потирая красные от усталости глаза, молодой человек прочитал вслух то, что находил и конспектировал на протяжении ночи:

– Крадущие Жизнь не умирают, пока имеют доступ к источнику жизненной силы. Их сущность (душа/эманация) проклята на момент перерождения, полученная при насильственном обрыве жизни. После смерти физического тела, их бестелесная энергия ищет ближайший, подходящий, но умирающий сосуд, чтобы вселиться в него. Их душа никогда не родится в теле новорожденного. Они обречены вечно менять чужую смерть на своё существование.

Эта информация поразила Габриэля своей трагичностью. Он понял, что Лайра не просто демон. Она была проклятой, вечной жертвой, обреченной вечно питаться, чтобы не стать ничем. Она не может начать жизнь сначала. Ей всегда приходится забирать её у кого-то другого.

И тут Габриэль осознал всю глубину её холодного расчета:

«Она не боится меня. Она боится быть разоблаченной и снова потерять своё тело.»

Она избегает его, потому что не хочет, чтобы он узнал её слабое место. Её вечное проклятие – это её единственная уязвимость.

Габриэль закрыл книгу с глухим стуком. Его исследовательский интерес сменился чем-то более личным, более напряженным. Он больше не видел в Лайре просто мифологический объект. Он видел существо, которое нуждалось в контроле.

– Ты думаешь, что можешь просто уйти, Лайра? – произнес он в пустоту кабинета. – Ты забыла, что в этом мире, полном информации, гораздо легче найти тебя, чем в твоём старом.

Он поднялся, его усталость от ночного бдения была подавлена всплеском адреналина. Теперь, когда он знал её уязвимость, он мог начать свою игру. Он не станет ждать, пока она придёт к нему. Он сам найдёт способ войти в её жизнь.

Игра в прятки

Габриэль Эйнсворт не сдавался. Осознав, что Лайра целенаправленно избегает его, он начал свои собственные, хитроумные поиски в пределах университета. Он знал её расписание по финансовому праву и высчитывал маршруты её движения между аудиториями. Он пытался «случайно» пересечься с ней у входа в библиотеку, возле кабинета декана, или у столовой, но Лайра всегда ускользала. Она обладала невероятной интуицией. Едва Габриэль приближался к нужному коридору, она сворачивала за угол или успевала закрыть дверь перед его носом.

Он видел её издалека: она всегда была сосредоточена, поглощена своими мыслями, её движения были быстрыми и целеустремлёнными. Он замечал, как она прикасалась к дверной ручке или перилам, и ему казалось, что он видит тонкое, еле заметное мерцание вокруг неё. Он был уверен, что она чувствует его присутствие так же, как он чувствует её древность.

***

Я прекрасно осознавала, что эта игра в прятки не может длиться долго. Каждое моё ускользание было победой, но эти победы стоили мне огромных ментальных усилий. Моя интуиция работала на пределе, и я знала, что Габриэль, вооружённый знанием из книги, понимал мою тактику. Он не просто искал меня, он охотился, и его методы были тонкими и выверенными. Его настойчивость говорила о том, что он догадался о моей тайне.

Из-за необходимости постоянно быть начеку, я стала реже выбираться на охоту. Ночи, проведённые в клубах, были рискованными, но жизненная энергия, которую я поглощала от пьяной молодёжи, была единственным, что позволяло мне поддерживать иллюзию нормальности и силы. К концу недели моё тело начало ощутимо слабеть.

Наступила суббота. Голод стал невыносимым, я не могла больше рисковать и откладывать. Я надела самую незаметную одежду и отправилась в другой, менее людный клуб на окраине города.

Внутри царил привычная, гудящая атмосфера. Я скользила сквозь танцующую толпу, ища свою цель. Заметила парня, стоявшего у бара. Он был невероятно бледен, его глаза светились в темноте словно стеклянные, и он постоянно пил. Как очередная жертва он был идеален: слаб, и его исчезновение можно легко списать на алкоголь.

Я подошла к нему, толкнув его как бы случайно, и моя рука коснулась его предплечья.

Это был самый быстрый и мощный глоток, который я когда-либо совершала. Жизненная сила хлынула в меня не тонким ручейком, а бурным водопадом. Вместе с ней я почувствовала его боль: хроническое недосыпание, полное отсутствие еды за последние сутки, скрытая, но сильная болезнь, о которой он не знал.

Я всегда брала часть, оставляя жертву опустошённой, но живой. Но в этот раз... что-то пошло не так.

Когда я отняла руку, парень не просто пошатнулся. Он рухнул на пол, как пустой мешок, а его лицо мгновенно стало землисто-серым. Я почувствовала, что его суть исчезла. Она не просто истощилась, она испарилась. Я выпила его целиком, до последней капли, потому что он уже был на грани.

Меня пронзило чувство острой паники. Я не хотела его смерти, она была слишком опасна. Вокруг завершали глупые девушки, засуетились парни, нервно оглядываясь. Охранники бросились к месту происшествия. Я, используя секундную суматоху, мгновенно скрылась в толпе, а затем выскочила на улицу.

***

Утром Габриэль Эйнсворт сидел в своей квартире, пил крепкий кофе и просматривал новости на своем планшете. Он всё ещё обдумывал, какой бы предлог найти для встречи с Лайрой.

Его взгляд зацепился за крупный заголовок региональной газеты:

«Тайна ночного клуба: молодой человек умер от необъяснимой остановки сердца»

Под заголовком располагалась фотография злосчастного клуба, оцепленного полицией. В тексте говорилось о «внезапном коллапсе» двадцатилетнего студента, который, по предварительным данным, не имел проблем с сердцем, но умер так, словно из него выкачали всю жизнь. Журналисты писали о загадочной «летаргии» и «беспричинном старении».

Габриэль медленно отставил чашку с кофе. В его мозгу, анализирующем древние мифы, мгновенно вспыхнула неприятная догадка.

Он вспомнил фразу из книги, которую переводил прошлой ночью:

«Vitae Raptor, в состоянии крайнего голода или при столкновении со смертельно ослабленным сосудом, не может контролировать свой поток и забирает всю жизнь целиком, оставляя лишь пустую оболочку».

Холодная, неприятная уверенность кольнула Габриэля.

– Лайра, – произнёс он вслух, его голос был низким и напряжённым. – Ты не просто сбежала от меня. Ты голодаешь. И теперь ты оставила след.

Он знал, что полиция не найдёт ничего. Но он, Габриэль Эйнсворт, теперь знал, где и когда Лайра совершила свою роковую ошибку. И эта ошибка дала ему шанс, который он так долго ждал. Игра стала серьёзной.

***

Я проснулась в понедельник с тяжелым, липким чувством паники, которое не проходило даже после подпитки. Инцидент в клубе, смерть того парня, стал моей величайшей ошибкой за многие десятилетия. Я не должна была оставлять труп. Труп привлекает внимание, а внимание в этом новом мире, полном камер и криминалистических экспертиз, было равносильно костру.

Мне нужно было исчезнуть. Не навсегда, но на время, чтобы позволить волнам утихнуть, а Габриэлю Эйнсворту потерять мой след.

Я сразу же отправилась в университет. Студенческая суэта, гомон, яркий свет, всё это теперь казалось мне слишком громким и опасным. Я чувствовала себя пойманной в ловушку.

Я снова наведальась в деканат. На этот раз не стала притворяться студенткой, меняющей расписание. Я была потерянной душой, ищущей помощи.

– Мне нужно взять академический отпуск, – мой голос дрожал от тщательно отрепетированного волнения. Я чувствовала, как мои слова проникают в душу декана, усталого, пожилого мужчины, который видел во мне не потенциальную угрозу, а простое человеческое горе.

Он поднял на меня потускневшие от прожитых лет глаза, полные усталости.

– Лайра, ты только начала учиться. Ты на гранте! Что случилось?

– Я... я начала что-то вспоминать, – я понизила голос до доверительного шепота. – Врачи говорили, что это может случиться. Мне кажется, я знаю, где жила до аварии. Это далеко, в какой-то глубинке. Я должна поехать туда. Должна проверить. Если я не сделаю этого сейчас, я сойду с ума от неизвестности. Мне нужно вернуть свою жизнь и воспоминания.

Слово «жизнь» прозвучало трагически и искренне. Декан, как и всякий человек, верил в силу эмоциональных порывов и семейных связей. Он увидел не хладнокровный побег, а отчаянную попытку восстановить личность. Он быстро подписал бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.